

ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ?

В.К. Антонова, Г.Г. Карпова

Для использования культурного многообразия на благо развития общества российскому государству необходимо, с одной стороны, переосмыслить свой исторический опыт регулирования межнациональных отношений и, с другой – повысить мультикультурную компетентность управленческих кадров, обеспечивающих реализацию культурной и социальной политики. Адаптация принципов мультикультурализма на российской почве возможна через разработку новых основ современной культурной политики, которые согласуются с передовыми европейскими и общемировыми тенденциями, способствуют созданию единого культурного пространства, формированию нового понимания культуры как инструмента преобразования и развития общества, способа самореализации представителей различных социальных групп. Отечественные перспективы обеспечения уважения и признания культурного многообразия на институциональном уровне зависят, в том числе, от совместных продуманных действий со стороны различных субъектов, формирующих стратегии реальных изменений в области культурной и социальной политики.

Ключевые слова: культурная политика, мультикультурализм, культурное многообразие, социальное государство, мультикультурные компетенции, межкультурный диалог

Следует признать то, что для подавляющего большинства современных государств характерно культурное многообразие, оказывающее фундаментальное влияние на жизнь современного общества, на его регулирование и организацию. Это обусловлено тем, что культура артикулируется в языке, ценностях и нормах, мифах и обычаях, символах и артефактах. Для поддержания социального равновесия и развития сплоченности в обществе важно, чтобы культурное многообразие учитывалось в тех правилах и отношениях, которыми руководствуются граждане и социальные институты.

Согласно ст. 7 Конституции [Конституция... 1997], Россия является социальным государством, что в широком смысле обозначает наличие в стране государственной системы программ, пособий и услуг, которые помогают людям удовлетворить социальные, экономические, образовательные и медицинские потребности, фундаментальные для поддержания стабильности общества [Barker, 1995]. Следовательно, реализация социальной и культурной политики в рамках мультикультурного социального государства должна происходить с учетом фактора культурного многообразия. А социальная, экономическая ситуация, историческое наследие каждого конкретного государства, в свою очередь, определяют особенности реализации культурного многообразия на практике.

В настоящей статье авторы проводят анализ трендов развития современной культурной политики в России как одной из самых исторически мультикультурных держав. С учетом богатейшего отечественного опыта межэтнических взаимоотношений и опыта решения так называемого «национального вопроса» рассматриваются как социально-культурные предпосылки возможности реализации политики культурного многообразия в России, так и ряд вызовов, с которыми современная Россия уже столкнулась на пути к проявлению и обеспечению уважения и признания культурных различий. В статье используются результаты интервью с экспертами, в роли которых выступали государственные и муниципальные служащие Перми и Саратова в рамках проекта «Возможности реализации принципов мультикультурализма на государственной службе России» (2003–2007), а также данные исследования доступности для населения услуг в сфере культуры в Саратовской, Костромской областях, Санкт-Петербурге и Казани (2007–2010).

Культурная политика и мультикультурализм: происхождение и содержание понятий

Прежде чем приступить к рассмотрению обозначенной проблемы, необходимо определить содержание основных понятий и оценить их с точки зрения адекватности современной российской ситуации. В первую очередь, это касается понятия «культурная политика». В «Основах Законодательства РФ о культуре» государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) определяется как совокупность принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры [Основы... 1992].

Данное определение полностью коррелирует с тем пониманием культурной политики, которое было выработано на дискуссии в Монако, проведенной 24 странами – участницами ЮНЕСКО в 1967 году. Под по-

литикой в сфере культуры тогда было решено понимать «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте реализация политики в сфере культуры представляет собой «всю сумму сознательных и обдуманных действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время» [Cultural... 1968. P. 5, 7]. На Стокгольмской конференции в 1998 году ЮНЕСКО предложила государствам-членам поставить культурную политику в центр стратегии развития, что нашло отражение в итоговой декларации конференции, а Мировой банк на встрече 1999 года во Флоренции провозгласил, что будет выделять займы развивающимся странам в том случае, если в их программах будут учитываться культурные факторы [Тросби, 2002. С. 236].

В данных определениях имплицитно присутствует, но специально не оговаривается различие между управлением культурными процессами и культурной политикой как таковой. Очевидно, некоторые из принципов государственной культурной политики являются универсальными, а другие соотносятся с идеологией, историко-культурным опытом и современной ситуацией конкретных стран. В значительной мере особенности культурной политики зависят от того, кто является ее главным субъектом – общество или государство. При этом интересы этих субъектов политики могут не только не совпадать, но и вступить в явные противоречия.

Напомним, что термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 60-е годы, когда канадский мультикультурализм явился попыткой решения проблемы биполяризации «англофонов» и «франкофонов» и сепаратизма Квебека. Метафора «этнической мозаики», характеризующая мультикультурализм в Канаде, была использована для анализа связи между этничностью и социальным классом, а также для определения места этнических групп в социальной иерархии общества [Kivisto, 2002]. До принятия мультикультурализма в качестве национальной политики Канады в 1971 году прибывавшие в страну иммигранты имели две опции – им предлагалось ассимилироваться с англо- или франкоговорящими канадцами и они должны были пребывать в атмосфере достаточно сложной толерантности, которую французы и англичане демонстрировали по отношению друг к другу и которая не распространялась на иностранцев, не желающих ассимилироваться, или тех, кто верил, что они неассимилируемы [Kumlicka, 2001]. С начала 70-х годов мультикультурализм в Канаде базировался на особом законодательстве, не допускающем дискриминации в сфере языка, культуры, образования и требующем равенства возможностей в доступе к рабочим местам и продвижении по службе [Wieviorka, 2001].

Начиная с 2000 года публикации, посвященные исследованиям мультикультурализма, культурного многообразия, все чаще переосмысливают эти феномены. Одни авторы стараются продемонстрировать их «живучесть» и актуальность в условиях новых социальных реалий, по-иному взглянуть на теоретический фундамент мультикультурализма и культурного многообразия с позиций социальной и политической теории, философии, социологии, культурологии [Kymlicka, 2001, 2003; Modood, 2005; Parekh, 2000, 2005, 2008; Tiryakin, 2004; Тернборн, 2001]. Другие стремятся оценить успехи и провалы мультикультурализма в европейских странах и странах Северной Америки с точки зрения устоявшихся и новых социальных и культурных практик, отношений общества к различным меньшинствам в контексте социального государства [Kivisto, 2002; Kottak & Kozaitis, 2003; Rice, 2005]. Третьи подвергают анализу институциональные изменения, происходящие в мультикультурных обществах, и требования, которые культурное многообразие накладывает на социальные институты [Alexander, 2001; Alibhai-Brown, 1999; Kovács, 2003; Mason, 2000, 2003].

Проверку на актуальность и релевантность мультикультурализм проходит в совершенно разных социальных, политических, экономических, культурных, демографических контекстах тех государств, где он либо является государственной политикой (как, например, в Канаде и Австралии), либо основные принципы мультикультурализма обязательно учитываются при принятии важнейших решений на уровне государства (например, в Великобритании и США). Одно из важных определений мультикультурализма можно найти в словаре «Dictionary of Race, Ethnicity and Culture», где этому понятию отведены две статьи. В первой мультикультурализм определяется как «сосуществование ряда различных культур внутри какой-либо группы общества». Во второй акцентируется внимание на рассмотрении данного термина с позиций социологических и политических дискуссий, где мультикультурализм предстает как определенная политическая система или государственная политика, нацеленная на гарантированное равное признание различных культур и не допускающая дискриминации по признаку принадлежности к особой группе этнических / культурных меньшинств [Dictionary... 2003. P. 183–184]. Именно такое определение мультикультурализма мы предлагаем использовать в настоящей статье.

В качестве основополагающих принципов мультикультурализма принято называть следующие: 1) равные возможности для всех граждан страны (социальная справедливость); 2) социальная инклюзия; 3) понимание и уважение этнического и культурного многообразия [Antonova, 2010. P. 3]. Эти принципы в полной мере реализуются в рамках политики культурного многообразия, которая, в свою очередь, позволяет мультикультурным государствам рассматривать культурную политику как основу для стратегического развития. Перефразируя Герана Тернборна, можно сказать то, что происходящая сегодня актуализация интереса к проблеме

мультикультурализма и культурного многообразия имеет следующие причины. Во-первых, культурные различия в обществе не только не исчезают или сглаживаются, а наоборот, проявляют явные тенденции к нарастанию. Во-вторых, поскольку поведение иммигрантов шло вразрез со сложившимися ранее представлениями, результатом стал отказ от идеи «плавильного котла» в Новом Свете и от ассимиляции во Франции и странах Северо-Западной Европы в пользу мультикультурализма. В-третьих, восприятие иммигрантов в Центральной Европе только как временных гастарбайтеров трансформировалось в понимание того факта, что они будут там всегда и нужно учитывать это в формировании политики центрально-европейских государств. И, наконец, сформировавшаяся в США в конце 1970-х годов культурная политика идентичности перестает фокусироваться только на этнических меньшинствах, получая все большую поддержку от представителей культурных меньшинств, социально-уязвимых и маргинализированных групп [Тернборн, 2001. С. 51–52].

Термин «мультикультурализм» появляется в лексиконе отечественных исследователей начиная с 1990-х годов первоначально для обозначения указанного выше феномена, отнесенного только к западной социальной и политической реальности [Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1999; Тишков, 1997; Паин, 2000; Куропятник, 2000]. Совсем недавно российские ученые начали изучать мультикультурализм и его основные ценности, принципы с точки зрения его возможной адаптации к российскому контексту. Это стало необходимым в свете анализа результатов распада Советского Союза и развития бывших союзных республик как самостоятельных государств [Антонова, 2006; Борисов, 2003; Малахов, 2002; Низамова, 2005; Осипов, 2008].

В 1991 году Российская Федерация ратифицировала Европейскую культурную конвенцию [Европейская культурная конвенция... 1954] и присоединилась к работе Руководящего комитета по культуре и Руководящего комитета по культурному наследию Совета Европы (СЕ). Тем самым Россия продемонстрировала понимание необходимости использования новых подходов к культурной политике как действенному инструменту построения мультикультурного общества. В интересах дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества между Российской Федерацией и Советом Европы в рамках секторов культуры и культурного наследия разработана Рамочная программа на период 2009–2011 годов [Рамочная программа, 2009], где специальный акцент делается на важности осуществления межкультурных стратегий по управлению культурным и религиозным разнообразием. Одним из направлений сотрудничества в ходе реализации Рамочной программы является пилотный проект «Межкультурные города». Это совместная акция Совета Европы и Европейской Комиссии, цель которой – изучить европейский опыт мультикультурализма и применить его в соответствии с российскими реалиями.

Сравнительный анализ и мониторинг развития культурной политики различных государств происходит с использованием определенных показателей, среди которых наиболее значимыми нам представляются следующие [Compendium, 2009]: общие цели и принципы культурной политики; культурные меньшинства, группы и сообщества; вопросы языка и языковой политики; социальная сплоченность; культурная политика и СМИ; индустрия культуры; политика занятости и гендерное равенство; основы правового регулирования и финансирование сферы культуры; проблемы социального партнерства и поддержка творческой деятельности.

В частности, позиция «Культурная политика по поддержке национально-культурных меньшинств» оценивается с учетом показателей числа этнических сообществ; законодательной базы по обеспечению гражданских и культурных прав; основных стратегических документов в области культурной политики по данному вопросу. Россия, включающая более 180 этнических сообществ и обладающая определенной законодательной базой по соблюдению гражданских и культурных прав (Статьи 26 и 69 Конституции Российской Федерации (1993), Закон о национально-культурной автономии (1996); «О языках народов Российской Федерации» (в редакции 1998 года), Федеральный закон о гарантиях прав коренных малочисленных народов (1999); тем не менее, в отличие от ряда стран (Канады, Финляндии, Бельгии, Германии и других), не имеет стратегических документов в области культурной политики по поддержке национально-культурных меньшинств [Compendium, 2009].

Отметим, что в соответствии с представленными данными о разграничении полномочий в области межкультурного диалога в 38 европейских странах (июль 2010 года, данные по России отсутствуют) основным координирующим органом по этому вопросу в большинстве стран выступают министерства культуры и образования.

Отвечая целям и задачам социального государства, концепция мультикультурализма ориентирует разработчиков социальной и культурной политики на цели достижения социальной справедливости в обществе с учетом культурного многообразия населения. Созданию и совершенствованию единого культурного пространства способствует один из самых уникальных современных европейских проектов – Европейские культурные столицы. Ежегодно выбирая один из европейских городов на конкурсной основе в качестве европейской культурной столицы, Европейская Комиссия предъявляет следующие основные требования к конкурсантам [Европейская Комиссия, 1985]: программа, предложенная каким-либо городом при номинировании на звание европейской культурной столицы, должна а) усиливать сотрудничество между культуроператорами, художниками, людьми искусства и городами той страны, которая подает заявку, а также другими странами ЕС в любом культурном секторе (музыка, танцы, кино); б) подчеркивать богатство

культурного многообразия в Европе; в) привлекать внимание к тому общему, что объединяет различные европейские культуры.

Обеспечение единого культурного пространства для представителей всех культур и всех социальных групп, проживающих в городе, подавшем заявку на конкурс «Европейская культурная столица», является необходимым условием для успешной реализации этой программы в случае победы в конкурсе. Поэтому принципы проведения конкурса, критерии отбора победителей – суть признание фундаментальной роли политики культурного многообразия в развитии государств Европы и мира. К сожалению, Москва, которая могла претендовать на такой статус, потеряла этот шанс. В 2010 году звание Европейской культурной столицы и право на проведение соответствующих мероприятий завоевал Стамбул (Турция). С 2011 года Европейская Комиссия изменила правила проведения конкурса, и теперь в нем могут участвовать только страны, входящие в состав Совета Европы. В текущем году победителями конкурса стали города Турку (Финляндия) и Таллинн (Эстония) [Европейская Комиссия, 2011].

Россия имеет определенный опыт решения вопросов межкультурного и межнационального сосуществования, который, однако, никогда не рассматривался как опыт применения политики мультикультурализма. Вместе с тем еще в период раннего СССР сходным образом формулировались намерения разрешения проблемы взаимоотношений мажоритарного этноса – русских – и этнических меньшинств на государственном уровне. Поскольку понятие мультикультурализма появилось в отечественной академической литературе не так давно, мы сочли возможным использовать в подобном качестве также понятие так называемого «национального вопроса», который в России и СССР исторически включал в себя социальную, экономическую, политическую проблематику этнических / национальных различий и восприятие таких различий населением нашей страны. Рассмотрим основные изменения в принципиальных подходах к урегулированию вопросов культурной политики в России, охватывающие период с начала XX века по первую декаду XXI века.

Национальный вопрос как объект культурной политики России

Реформы, осуществляемые во 2-й половине XIX века в Российской империи, вызвали к жизни новые идеи в области государственного устройства. Первая всеобщая перепись населения 1897 года показала, что нерусские народы составляют более половины жителей империи. В литературе либерального направления этого периода стали обсуждаться понятия «национальный вопрос», «автономия», «федерация».

Необходимость решения национального вопроса в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаива-

ния полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций была сформулирована В.И. Лениным после революции 1905 года как одно из условий социалистической революции. В ней общее, интернациональное выступало как содержание, а национальное – как форма, существующая с первым в диалектическом единстве. Следует отметить терминологическую двусмысленность в отношении этнической и национальной культур: ни в 1920-е, ни в 1930-е годы понятие «этническая культура» еще не оформилось, «под культурой в целом» (или в терминах того времени «интернациональной», социалистической») понималась национальная культура – то есть культура всего государства [Костина, Гудима, 2007. С. 95–96]. В целом, идеологический подход В.И. Ленина к решению национального вопроса базировался на трех принципах, каждый из которых в определенной мере должен был обеспечивать баланс национального и этнического. Во-первых, чтобы снизить недовольство представителей нерусских национальностей, то есть этнических групп, проявлениями великорусского шовинизма, было официально декларировано право наций на самоопределение. Теперь каждая «нация» могла сделать выбор – присоединиться ли ей к многонациональной социалистической стране или стать независимым национальным государством. Расчет политиков был прост – действуя в логике собственных экономических интересов, «нации» должны были выбрать путь присоединения к большому государству [Ленин, 1966. С. 53–57].

Во-вторых, был провозглашен принцип равенства всех народов России, важный с социальной, культурной, экономической и политической позиций, который рассматривался в качестве определяющего советскую национальную политику того времени. Предполагалось, что этот процесс приведет к выравниванию статусов русских и нерусских народов в молодом советском государстве [Ленин, 1966; Бромлей, 1977; Chinn & Kiser, 1996; Lieber, 1992]. Для достижения интернационального равенства использовались два подхода. С одной стороны, федеративная структура советского государства обеспечивала национальным меньшинствам правовое и политическое равенство с русскими. С другой стороны, происходила так называемая «коренизация», которая заключалась в увеличении доли национальных местных кадров в партийной и советской администрации национальных окраин с целью укрепления большевистской власти на местах. Кроме того, политика коренизации должна была предотвратить развитие националистических и сепаратистских настроений через уступки в культуре, языке, кадровой политике, создание лучших условий представителям титульных национальностей в их «собственных» республиках [Chinn & Kiser, 1996; Lieber, 1992].

Наконец, в-третьих, принцип решения национального вопроса заключался в предоставлении территориальной автономии тем народам, которые решили не образовывать самостоятельных государств, а остать-

ся в многонациональном социалистическом государстве [Ленин, 1966]. Предполагалось, что автономные территории будут максимально этнически однородными [Chinn & Kiser, 1996. P. 69].

Коренизация способствовала получению образования и обеспечивала подготовку управленцев низшего звена, государственных служащих и интеллигенции из числа коренных, титульных национальностей [Тишков, 1997]. В рамках этой же политики, которая в целом может быть названа ориентированной на элиту, в период между 1920 и 1938 годами представители национальных меньшинств были приняты на правительственные и партийные должности [Aasland, 1996; Габдрафиков, Еникеев, 2004; Тишков, 1997]. Это была политика продвижения (и даже зачастую формирования) новых элит из числа титульных этнических групп.

В указанный период также были предприняты огромные усилия для того, чтобы создать письменность некоторых народов России (например, бурят и тувинцев) [Волошина, 2009; Тишков, 1997], открыть национальные школы и повысить роль родного языка, особенно в национальных окраинах. В рамках модели так называемой национальной школы все предметы преподавались на родном языке основной массы учеников. Русский язык мог изучаться в таких школах в качестве одного из предметов, но обычно не был обязательным [Anderson & Silver, 1990. С. 108]. Развитие культур национальных меньшинств происходило достаточно бурно с появлением возросшего числа книг, газет и журналов, издававшихся на языках коренных национальностей [Aasland, 1996. С. 482].

Одним из эффектов коренизации стало повышение социального и политического статуса национальных элит. Это, в свою очередь, привело к концентрации сил таких элит и поднятию уровня их социальных ожиданий. Элиты становятся заинтересованными в контроле над институтами власти и в распределении ресурсов. Ответом советского государства на такую ситуацию стал возврат к главенствующей роли русского языка и русских в общественном, политическом, экономическом, культурном развитии национальных республик Советского Союза. Русские начинают занимать руководящие позиции во всех властных структурах и безоговорочно становятся носителями интересов государства [Арутюнян, 1992].

Как мы видим, уже в первые годы существования советского государства были осуществлены достаточно удачные попытки практической реализации тех принципов, которые мы сегодня могли бы соотнести с принципами мультикультурализма и политики культурного многообразия: упрочение интернационального равенства можно рассматривать как аналог принципа социальной справедливости, а политику коренизации – как проявление признания и уважения этнического многообразия многонационального СССР. К сожалению, как было показано выше, эти предвестники принципов мультикультурализма не смогли развиваться в Советском Союзе под гнетом коммунистического идеологического давления. Вместе

с тем, несмотря на неоднозначные итоги решения национального вопроса в предложенном В.И. Лениным и адаптированном уже И.В. Сталиным варианте, последовавшие за коренизацией депортации и этнические чистки во имя борьбы с «локальным национализмом», вслед за В. Тишковым отметим, что нигде в мире, кроме СССР, в XX веке не исчезла ни одна даже самая небольшая культура, и нигде в мире, кроме СССР, не была полностью сохранена этническая мозаика страны [Тишков, 2003. С. 247].

Тот факт, что идеология интернационализма, несущая в себе некоторые черты мультикультурной политики, имела ряд позитивных аспектов для развития культурного многообразия в СССР, сегодня подтверждают результаты исследования, проведенного в 2003–2007 годах в Саратове и Перми¹. Опрошенные государственные и муниципальные служащие двух городов отмечали то, что привитые им еще в советские времена образцы восприятия представителей любых национальностей равными себе, а иногда требующими особой поддержки и внимания, позволили им уже и после развала СССР с достаточным уважением и терпением относиться к представителям этнических меньшинств в период возрождения их национального самосознания, часто сопровождающегося разного рода нападками на «старшего брата» [Антонова, 2010]. Более того, и в Перми, и в Саратове информанты соглашались с тем, что такие знаковые для СССР феномены, как «интернационализм», «дружба народов», «многонациональность», не были пустыми словами, а «этнические формы социалистической культуры», существовавшие в бывшем СССР, могли бы рассматриваться как версия мультикультурализма, поскольку предполагали постоянную и значимую поддержку целому ряду малых этнических культур внутри многонационального СССР [Тишков, 2003].

Тем не менее в советской автократической системе принципы культурной политики выдерживались в равной степени по отношению и к этнической, и к национальной культуре. В качестве основных ее принципов исследователи национальной культурной политики Советской России выделяют: стремление к упорядоченности всех элементов культуры канонизации культурных образцов, получивших статус легитимных (начиная от политической жизни, искусства и заканчивая способами поведения); представление универсальных интерпретационных схем, объясняющих специфику бытия и сущего; исключение чуждых культурных элементов, стремление к цельности; связности и взаимозависимости элементов; упрощение, сведение сложных явлений к простым; телеологическая ориентированность, выработка высокой цели, имеющей черты романтического идеала [Костина, Гудима, 2007. С. 96].

¹ Результаты исследования опубликованы в: Antonova V. Multiculturalism in the Russian Civil Service: Operational, Governance and Performance Level. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.

Культурная политика в Советском Союзе была частью «марксистско-ленинской» идеологической политики Коммунистической партии, которая также широко использовалась для партийных целей в сфере образования и просвещения. Данный подход формировался в 1920-х и 1930-х годах, а в 1940-е годы оформился и подчеркнул важность укрепления новой исторической идентичности советского государства. Эта система в основном (несмотря на несколько поверхностных изменений) оставалась неизменной до конца 1980-х годов. В качестве основных компонентов советской системы отмечены следующие: создание широкой сети государственных учреждений культуры с сильной образовательной составляющей; формирование централизованной и идеологизированной системы управления.

Приоритет в развитии был отдан тем культурным инструментам, которые имели наибольший потенциал для распространения информации: радио, кино, пресса; с 1960-х годов акцент был сделан в большей степени на телевидении. Основная задача системы так называемых «творческих союзов», охватывающей основные формы искусства, заключалась в контроле художественного сообщества, интеллигенции и организации их профессиональной деятельности в соответствии с потребностями Коммунистической партии. В результате к 1953 году – моменту создания Министерства культуры Советского Союза – был оформлен закрытый бюрократический аппарат для управления культурой, что соответствовало общей системе государственного управления. Несмотря на создание подобной «закрытой» системы, национальная культурная жизнь была многосторонней и разнообразной, поскольку вовлечение масс многонационального государства в официально организованные культурные мероприятия выступало одной из стратегических целей советской культурной политики [Булавка, 2000].

В конце 1950-х и начале 1960-х годов реформы Н.С. Хрущева способствовали появлению либеральных тенденций, в том числе и в культурной жизни. Как только контроль ослабел, стали заметны латентные тенденции государственного управления в сфере культуры. Изменения, последующие за «оттепелью», в эпоху брежневского «застоя» ограничились провозглашением лозунга о создании новой общности «советский народ».

Влияние идеологического диктата испытала и культурная политика, проводимая в области национальных, то есть этнокультурных традиций. Традиционная, в том числе и национальная культура, воспринималась вплоть до 40-х годов прошлого столетия как культура отсталого, инертного класса крестьянства, несущего на себе тяжесть традиционного мировоззрения. Последствием подобной политики в отношении национального фольклора могло быть проявление к нему особого внимания, случаи использования народных произведений в агитации и пропаганде. Для этих целей даже была введена практика патронажа наиболее талант-

ливых исполнителей фольклористами и литературными секретарями [Фольклор... 1994. С. 57]. Тем не менее мы согласны с авторами [Булавка, 2008; Гудима, 2007; Костина, 2007; Малышева, 2005], отмечающими то, что стремление создать культуру, обладающую высокими смыслами, доступную всем народам, было позитивным проектом. Этот замысел культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, стремящийся к сглаживанию противоречий, неизбежно возникающий в полиэтническом государстве, можно рассматривать как вполне современный проект, но не осуществленный на практике.

В середине 1980-х годов М.С. Горбачев инициировал изменения, состоявшие в снижении идеологического давления на средства массовой информации и административный контроль над культурными и образовательными учреждениями. Не случайно интеллигенция, художники и деятели культуры стали самыми горячими сторонниками «перестройки». Законом о печати и других средствах массовой информации, принятым в 1990 году, была устранена государственная цензура. Следует констатировать факт, основанный на анализе официальных источников, что «провозгласив отмену идеологического контроля к началу 1990-х годов, государство также ограничило свое участие в регулировании вопросов культуры. В то время как экономический и политический кризис подошел к кульминационному моменту, государство потеряло интерес к культурным вопросам» [Compendium, 2009].

Распад СССР прервал историю государства, которое на протяжении трех последних столетий было крупнейшим многонациональным образованием. Историки, вероятно, еще долго будут обсуждать то, какую роль в этом величайшем катаклизме конца XX века сыграл собственно национальный фактор и, в частности, то, в какой степени входившие в Советский Союз народы стремились именно к независимости [Economic... 2000]. Несмотря на то, что в ходе демократически проведенного референдума за полгода до прекращения существования СССР большинство населения всей страны в целом и каждого из впоследствии независимых государств в отдельности (кроме стран Балтии) высказалось за сохранение союза [Об итогах... 1991], сама постановка вопроса отражала тот факт, что демократизация общества активизировала национальные процессы, рост национального самосознания, обострение межэтнических отношений.

В последние два десятилетия проблема межэтнических отношений в России приобретает особую остроту. Среди причин подобного нарушения конструктивного «диалога культур» можно назвать низкий уровень жизни населения, застойное состояние экономики, централизацию управления, а также изменения в политико-идеологической плоскости, включая чрезвычайно важное открытие в эпоху гласности замалчиваемых фрагментов советской истории (депортации, репрессии, в том числе и по национальному признаку).

Между тем Федеральная программа развития культуры на 1997–1999 годы, из-за продолжающегося политического и экономического кризиса, не была реализована в полной мере. Почти двукратное сокращение бюджетного финансирования культуры в 90-е годы привело к росту цен услуг в сфере культуры, которые стали недоступны для многих групп населения: эту динамику не удастся остановить и в XXI веке. В результате в годы реформ резко ухудшилась материально-техническая база учреждений культуры, вдвое снизилась посещаемость театров и музеев, на 2/3 сократилась концертная аудитория, произошло обвальное падение посещаемости кинотеатров [Доклад... 2008]. Сокращение финансирования коснулось и поддержки национальных культурных центров, являющихся основными объектами сохранения и воспроизводства традиционного национального творчества.

Межкультурный диалог в контексте социокультурной политики

В настоящее время межкультурный диалог является неотъемлемой традиционной частью культурной и социальной политики России как страны культурного многообразия. Начало такому диалогу положили еще советские концепции «межнациональных отношений» и «дружбы народов». Наиболее распространенными формами этого диалога являются конференции, фестивали, выставки, межрегиональные обмены.

Поддержанию и развитию межкультурного диалога в значительной мере способствует плодотворное взаимодействие России со странами Европы. В июне 2009 года состоялось открытие Совместной программы Совета Европы и Европейской Комиссии в сотрудничестве с Министерством регионального развития Российской Федерации «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». Программа осуществляется в пилотных регионах – Алтайском крае, республиках Дагестан и Мордовии, ее действие продлится до конца 2011 года. Главная цель программы состоит в поощрении этнических и национальных меньшинств в России и в расширении признания их особой самобытности в области культуры, образования, языков СМИ и гражданского общества. В ходе реализации программы проводятся информационные и обучающие семинары для самых разных аудиторий, например, для СМИ, представителей судебной власти, представителей региональных, местных органов власти и региональных и местных неправительственных организаций, которые занимаются обеспечением культурных и языковых прав национальных меньшинств в пилотных регионах [Совместная... 2009].

Министерство регионального развития Российской Федерации несет ответственность за регулирование межэтнических, межкультурных отношений и сотрудничества между государственным управлением

и национально-культурными автономиями, религиозными общинами. Повседневные культурные взаимодействия общественных групп, имеющих сильные этнические, религиозные корни, главным образом организованы местными властями. В регионах создаются дома дружбы, городские и областные центры национальных культур, которые выступают как площадки для творческого диалога, проведения мероприятий, принадлежащих к национальным культурным движениям. В крупных городах, в образовательных учреждениях и учреждениях дополнительного образования введены программы по продвижению идей толерантности. Важно, чтобы межкультурный диалог базировался на соответствующих ценностях и принципах, укорененных в компетенциях муниципальных и государственных служащих, ответственных, в том числе, за реализацию культурной и социальной политики.

Социологи отмечают то, что начиная с середины 90-х годов городские и региональные власти стали уделять значительное внимание развитию культурных традиций этнических меньшинств [Дробужева, 2002, 2003]. Этому немало способствовало совершенствование правового поля, а именно принятие законов «О национально-культурной автономии» (1996), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» (1999), Концепции государственной национальной политики (1996). Однако применяемые для этого подходы почти всегда оказываются ограниченными рамками популярных «мероприятий», зафиксированных в разного рода программных документах [Областная... 2002]. Как показало наше исследование, это вызвано не только невысокой компетентностью городских и областных чиновников в части регулирования этнического и культурного многообразия, но и значительным влиянием стереотипов, существующих в массовом сознании относительно этнических меньшинств.

Как результат реализации обновленного законодательства к 2001 году только в Саратове и области было зарегистрировано 56 этнокультурных центров и ассоциаций, а исполнение Федерального закона о национально-культурных автономиях (НКА) в регионе способствовало образованию семи НКА – украинской, казахской, татарской, немецкой, армянской, еврейской и чувашской [Официальный сайт Правительства Саратовской области]. Летом 2004 года в Саратове был открыт уникальный в своем роде этнографический комплекс под открытым небом, – Национальная деревня, – который сразу стал одной из главных достопримечательностей города. Его появление представляется в публичной политике результатом тесного сотрудничества между правительством области, национальными общественными организациями и национально-культурными автономиями. Однако хотелось бы, чтобы разносторонний потенциал этого комплекса – образовательный, культурный, исторический, воспитательный – использовался городом с большей активностью и фантазией, чтобы Национальная деревня не стала застывшим

в дереве и камне памятником многонациональной Саратовской области. Общий социальный и культурный фон Саратова и области, на первый взгляд, располагает к достаточно толерантному отношению русского большинства к этническим меньшинствам и построению культурной политики региона на принципах мультикультурализма и культурного многообразия.

Город Пермь, как и Саратов, «можно рассматривать как исторически сложившуюся лабораторию для изучения межнациональных связей» [Национальный... 2003. С. 65]. В формировании межэтнических взаимоотношений и поддержании культурного многообразия здесь определенную роль играют национально-культурные центры и ассоциации, которых насчитывается около десяти, включая те, что представляют немецкую, славянскую, польскую, удмуртскую, марийскую и коми-пермяцкую культуры. Такой институт самоорганизации этнических общностей, как НКА, тоже представлен в Перми и области чувашской, татарской, татаро-башкирской, еврейской, немецкой и польской национально-культурными автономиями [Объединения национальных меньшинств, 2001].

Областная Целевая программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004–2008 годы, являясь стратегическим документом, определяющим приоритеты в сфере регулирования межэтнических отношений, аналогично саратовской программе, фокусируется на проведении мероприятий фольклорного типа, призванных познакомить жителей региона с этнокультурной мозаикой, обычаями и традициями всех национальностей, проживающих в Перми и области [Областная... 2004]. Номинально и в Перми созданы правовые, организационные и социальные условия для реализации принципов мультикультурализма и основ культурной политики многообразия.

Однако результаты проведенного исследования показывают, что не все так однозначно, если рассматривать мультикультурную компетентность муниципальных и региональных чиновников. Следует учитывать то, что уровень владения навыками межкультурной коммуникации – один из важнейших факторов, оказывающих влияние на формирование социальной среды, в которой в Перми и Саратове происходит разработка и реализация культурной политики [Антонова, 2006. С. 57–61]. Несмотря на общее нейтральное или позитивное личное отношение опрошенных к национальным меньшинствам в обоих регионах, значительное место в нарративах, особенно русских респондентов, занимают примеры из жизни, связанные с негативным опытом общения, например, с азербайджанцами, армянами, грузинами при посещении овощных рынков; или с эстонцами и литовцами – во время туристических поездок в советское время в республики Прибалтики. В любом случае, русские рассматривают себя как главного носителя и выразителя интересов всех национальностей, представленных в регионах, поскольку численное преобладание

делает их ответственными за принятие решений, в том числе в сфере этнополитики, социальной и культурной политики.

Большинство чиновников и городского, и областного ранга сочли проявление национального, культурного многообразия за пределами частной сферы, скорее, проблемой, чем преимуществом поликультурного региона. Практически все респонденты отмечают, что в случае поступления на государственную или муниципальную службу представители национальных меньшинств будут стремиться привести туда же как можно больше «своих». Вопрос лоббирования этнических интересов очень заботит практически всех респондентов. В связи с этим этносоциальная политика, построенная на принципах мультикультурализма и признания культурного многообразия во всех сферах жизни общества, не представляется им вариантом, заслуживающим внимания на современном этапе развития обоих регионов.

Одним из самых действенных механизмов гармонизации межнациональных отношений респонденты называют разработку и немедленное применение на практике некоей идеологии, которая бы нивелировала все национально-культурные различия, создала бы «общую культуру», сглаживающую этнокультурное многообразие до уже известного гомогенизированного состояния «единого советского народа», с заменой «советского» на «русский».

До сих пор чрезвычайно живуч в сознании респондентов стереотип о том, что присутствие большего количества национальных меньшинств на управленческих должностях в областных и городских администрациях будет способствовать повышению уровня этнической напряженности и даже снизит уровень доверия населения к местным властям. Это, в свою очередь, совершенно противоречит принципам мультикультурализма и, следовательно, снова делает саму идею мультикультурализма не популярной в регионах.

Каковы же, с точки зрения респондентов, могут быть возможные последствия осуществления политики мультикультурализма в регионах? Во-первых, высказывания по этому вопросу довольно значительно разделились по региональному признаку. Если пермские респонденты верили, что усиление роли национальных меньшинств в управлении регионом принесет положительные изменения в этносоциальную и культурную политику Пермской области и повысит авторитет органов управления среди населения, то саратовские участники опроса придерживались в своей основной массе прямо противоположного мнения. Во-вторых, респонденты обоих регионов выражали особую озабоченность по поводу возможной «национальной экспансии» интересов и приоритетов со стороны национальных меньшинств и необузданного роста «национального лоббизма». Хотя и здесь региональные различия были достаточно ощутимыми. Пермяки соглашались в том, что даже при такой ситуации нуж-

но стараться руководствоваться общенациональными, общегосударственными интересами и находить возможность для конструктивного диалога. В то же время саратовцы сочли, что лучше не допустить такой ситуации, просто сократив до минимума влияние национальных меньшинств на сферу этносоциальной и культурной политики региона.

Вместе с тем следует отметить, что довольно заметны были региональные различия в мнениях респондентов и по ряду других обсуждаемых вопросов. Так, представители Пермской области высказывали более явную и яркую заинтересованность в обучении основам менеджмента культурного многообразия. Они же гораздо чаще своих саратовских коллег приводили позитивные примеры взаимодействия русского большинства с национальными меньшинствами в регионе.

Таким образом, согласно результатам проведенного социологического исследования, респонденты в Перми и Саратове показали достаточно низкий уровень толерантности по отношению к нерусским национальностям как конкурентам в сфере управления и коллегам в сфере формирования и реализации социальной и культурной политики. Их мнения по «национальному вопросу» хорошо укладываются в модель, которую В. Третьяков, директор журнала «Политический класс», выступая в передаче «Времена» 13 ноября 2005 года на Первом канале ТВ, применил в отношении мигрантов, отметив, что «когда их будет много, придется делиться политической властью, а не только пособием по безработице».

И если эта настроенность в отношении этнических меньшинств не слишком четко выражена в личном восприятии нерусских национальностей в качестве друзей и знакомых, то в вопросах, касающихся занятости, рынка труда, социального равенства и равных возможностей во всех сферах жизни общества подобная не толерантная позиция обозначена достаточно явно. Национальный фактор оказывает неоднозначное влияние на позиции респондентов. Так, русское большинство не желает видеть на управленческих должностях представителей иных национальных групп, чье присутствие актуализирует или даже усиливает мифы и обостряет национальную напряженность. Также достаточно выпукло предстает недостаточная мультикультурная компетентность муниципальных и государственных служащих, низкий уровень образованности и информированности в сфере культурного многообразия и управления этим многообразием.

Проблемы российского мультикультурализма и культурного многообразия

Отсутствие государственной идеологии, которая могла бы заменить интернационализм советских времен, а также до сих пор распространенные и продолжающиеся воспроизводиться этнические стереотипы не позволяют использовать основные принципы мультикультурализма как на

концептуальном уровне в период разработки стратегий этносоциальной, социальной и культурной политик, так и на уровне социальных практик [Дробижева, 2003]. Привычка ограничивать работу в сфере культурного многообразия протокольными мероприятиями фольклорного характера приводит к тому, что остаются невостребованными накопленные знания и опыт по гармонизации национальных отношений и построению этносоциальной и культурной политики регионов России [Антонова, 2006; Бельфиоре, 2009; Макарова, 2009; Панова, Федорова, 2006], отечественные и зарубежные научные разработки.

Представляется, что налаживанию и поддержанию результативного межкультурного диалога в России мешают до сих пор существующие в сознании населения этнокультурные стереотипы, достаточно высокий уровень ксенофобных настроений, низкая мультикультурная компетентность чиновников и населения в целом [Паин, Мукомель, 2006; Арутюнова, 2009, 2010]. О проблемах в реализации межкультурного диалога, на наш взгляд, свидетельствуют и события 11 декабря 2010 года на Манежной площади в Москве. К сожалению, в очередной раз появляются основания говорить, что в современном российском обществе уделяется недостаточно внимания серьезному, системному изучению проблем, связанных с культурным, в том числе, этническим многообразием населения, с адаптацией мигрантов, с учетом культурного многообразия как минимум в социальной, образовательной и культурной политике нашего государства. Социальная напряженность, растущая в обществе, прорывается там, «где тонко» – в декабре 2010 этим слабым звеном в очередной раз стали межнациональные отношения. Ксенофобные и мигрантофобные настроения россиян, находящиеся на достаточно высоком уровне, способствуют развитию националистических движений в стране. По мнению социологов, около 10 % россиян можно отнести к жестким националистам, готовым выйти на улицу. Как утверждает руководитель аналитического отдела ВЦИОМ Леонтий Бызов, «эти люди очень активны. Тех же, кто выражает недовольство приезжими, но не готов к активным действиям, – еще около 60 %» [Бурдаков, 2010. С. 7].

Как отмечало 15 декабря 2010 года новостное агентство «Рейтер», «Кремль <...> отреагировал на рост напряженности в обществе, призвав отдавать приоритет на рынке труда гражданам России, а грязные работы оставить иммигрантам». Ссылаясь на первое лицо государства, агентство «Рейтер» пишет: «Вместе с региональными властями профсоюзы должны добиваться от работодателей, чтобы привлечение иностранных работников шло не в ущерб нашим гражданам. Чтобы они занимали свою нишу, свой кластер, который – может быть – нашими не настолько востребован», – сказал президент» [Демкин, 2010]. Подобная точка зрения, очевидно, не очень согласуется с принципами мультикультурализма и построенной на его основах социальной политикой, поскольку за-

ранее определенное место для иностранной рабочей силы не дает оснований надеяться на то, что трудовым мигрантам, а возможно и гражданам ближнего зарубежья, приезжающим на постоянное место жительства в Россию, не придется испытывать системную дискриминацию при трудоустройстве и, скорее всего, при обращении за получением социальных услуг в столице и в российских регионах.

Неоднозначна реакция на случившиеся события на Манежной площади и политического лидера ЛДПР В. Жириновского. Отрицая русский национализм и право русских на «какие-то привилегии», в интервью «Независимой газете» он отметил: «Демократия случилась в интересах небольшой группы, <...> меньшинства с Северного Кавказа русских вытесняют везде. Их убирают с руководящих постов, их все меньше в национальных регионах. И все это уже 20 лет в умах наших граждан. За что русский народ должен страдать? А поведение выходцев с юга в Москве и других городах – наглое, хамское – это тоже раздражает наших людей» [ЧП... 2010. С. 4].

Усматривая основные причины проявления протестного потенциала 11 декабря 2010 года в неудовлетворенности людей «несправедливыми, нечестными, эгоистичными и не учитывающими интересы людей решениями власти» Елена Шестопал, вице-президент Международной ассоциации политических наук, допускает следующее высказывание: «...любой из нас обращается в больницу, а там много врачей, выходцев, скажем, далеко не из средней полосы России. Получается, что они, представители этих национальностей, заполняют те ниши, где русские либо не могут, либо не хотят работать» [Там же. С. 4].

К сожалению, такие действия и мнения, транслируемые СМИ от лица политических лидеров, элиты в области науки, культуры достаточно быстро приведут к продолжению укоренения в сознании, прежде всего, русского населения и без того достаточно негативных культурных стереотипов и повышению уровня ксенофобии в обществе. Если на уровне бытового сознания чувство «затаенной обиды», недовольство, может быть объяснено конкретными проблемами (социальной напряженностью, связанной с современными социально-политическими условиями, высоким уровнем бедности, безработицей), то в науке и политике – низким уровнем компетентности или стремлением манипулировать общественным сознанием в конкретных целях.

Согласно опросам Левада-Центра, в ноябре 2009 года 61 % россиян высказывались за то, что правительство России должно пытаться ограничить приток приезжих [Россияне... 2009]. Кроме того, по данным того же источника, сохраняется следующая устойчивая тенденция – свыше 50 % россиян в течение последнего десятилетия в той или иной мере поддерживают идею «Россия для русских». На еще более радикальной позиции относительно того, что такую идею «давно пора осуществить»,

настаивают от 14 до 21 % респондентов [Россия... 2009]. По данным журнала «Профиль», «националистические движения ежегодно пополняются тысячами молодых парней, которые искренне не понимают, почему они должны терпеть национальную самобытность, а также и противоправные действия приезжих» [Бурдаков, 2010. С. 6].

В материалах Европейского социального исследования 2006 и 2008 годов отмечается негативное отношение к иноэтничной миграции со стороны респондентов из России – в 2008 году 22,7 % опрошенных были против приезда людей другой национальности на постоянное жительство в Россию. Это достаточно высокий показатель, сходной с данными по Чехии и Эстонии, однако значительно более низкий по сравнению с 38,9 % респондентов в Турции, которые считают, что «никого не нужно пускать» в их страну [Арутюнова, 2010].

Современная система образования оказалась не готова к реализации новых социальных требований, закрепленных в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года [Концепция модернизации... 2002]. В документе, например, отмечается необходимость использования потенциала образования для «преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства» [Там же].

Наличие в городских школах детей мигрантов (иноязычных детей) пока воспринимается обществом как проблема (и даже «катастрофа»), поскольку они не всегда хорошо владеют русским языком и слабо интегрированы в школьное сообщество [Панова, Федорова, 2006]. В связи с этим следует обратить особое внимание на то, как реализуется обучение иноэтничных детей в русских школах; каким образом отражено в федеральных образовательных стандартах высшего образования культурное многообразие России и связанные с этим социальные, экономические, психологические аспекты формирования государственной политики; каковы первые результаты недавнего введения в школах предметов, касающихся религиозного многообразия страны; есть ли в программах повышения квалификации для государственных и муниципальных служащих разделы, посвященные вопросам управления в мультикультурной среде, менеджмента культурного разнообразия в организациях; получают ли соответствующую подготовку социальные работники, социальные педагоги и психологи.

Важно отметить, что определенные позитивные подвижки в этом направлении в отечественной практике имеются. Так, в 2004 году при финансовой поддержке Европейского Союза (ЕС) Программой Сотрудничества ЕС и России (ТАСИС) было опубликовано учебное пособие «Тренинг этнической толерантности для школьников», предназначенное, в первую очередь, для психологов, социологов и работников сферы

образования [Тренинг... 2004]. Особенностью проекта «Улучшение межэтнических отношений и развитие толерантности в России», в рамках которого было создано это пособие, является активное участие в нем Министерства внутренних дел РФ. В ходе работы над проектом было отмечено то, что до сих пор не существует специальной программы, посвященной проблемам взаимоотношений между милицией и этническими и религиозными меньшинствами [Там же. С. 353]. Уникальная программа, разработанная в рамках проекта, планировалась к введению в качестве обязательного курса в систему образовательных учреждений МВД РФ (22 высших школы, 10 специальных средних милицейских школ и 108 подготовительных центров) [Там же. С. 354]. Подобные программы должны быть действительно востребованы не только в школах, но и при подготовке сотрудников органов внутренних дел.

Однако следует сказать, что мультикультурализм – улица с двусторонним движением. Не только принимающее общество должно стремиться к обеспечению максимально безболезненной адаптации мигрантов. Претендующие на постоянное место жительства в другой стране также должны уважать законы, ценности, традиции, общественные нормы, стиль жизни представителей того народа, той культуры, в которую им предлагается интегрироваться пусть даже при сохранении собственной уникальности. А поэтому очевидно возрастает роль просветительской, образовательной работы государственных и общественных институтов в направлении мультикультурализма и политики культурного многообразия.

В настоящее время в России поликультурность скорее воспринимается как сложная и многогранная проблема, нежели как благо и даже бизнес-преимущество, позволяющее более профессионально и эффективно вести деловые отношения с представителями различных культур, более четко вписываться в рамки международных соглашений.

Единое культурное пространство: интеграция или практики исключения?

Конкретным «руководством» к осуществлению культурной политики выступила целевая программа «Культура России», которая в первый раз появилась в 2001 году и была рассчитана на 2001–2005 годы. Данная Программа вызвала справедливую критику со стороны экспертов, которые обвинили ее в отсутствии четких механизмов, обеспечивающих условия реформирования сферы культуры с учетом специфики как всей отрасли культуры в целом, так и ее отдельных структурных составляющих, которые имеют различную целевую направленность, обладают разными возможностями по привлечению внебюджетных источников финансирования и в неодинаковой степени нуждаются в поддержке со стороны федеральных, региональных и местных органов управления

[Генисаретский, 2007; Гнедовский, Зеленцова, 2007; Костина, Гудима, 2007; Разлогов, Орлова, Кузьмин, 2005]. В настоящее время продолжает свое действие Федеральная целевая программа «Культура России (2006–2011 годы)» [Постановление... 2005]. Общий объем финансирования данной программы составил 64 млрд рублей, из них 54 млрд – из средств Федерального бюджета.

В основе действующей Федеральной целевой программы «Культура России» заложена концепция партнерства, как инновационный подход для России, в том смысле, что впервые культурная политика рассматривается не только как затратная сфера. В рамках данной концепции культура может перейти с позиции «просителя» денег у государства на позицию «развития за счет собственных усилий» [Постановление... 2005]. В качестве первоочередной задачи, декларируемой государственной культурной политикой современной России, выступает создание условий для образования единства культурного пространства, равных возможностей для жителей различных территорий страны и представителей разных социальных групп для получения доступа к культурным ценностям, для диалога культур в многонациональном государстве, а также формирование ориентации личности и социальных групп на ценности, обеспечивающие модернизацию российского общества [Там же].

Создание единого культурного пространства предполагает обеспечение равного доступа для всего населения страны к ценностям культуры, как это определено Конституцией РФ. В то же время дифференциация в обеспечении доступа населения к ценностям культуры настолько значительна, что говорить о едином пространстве и интеграции в мировой культурный процесс можно только как о желаемой перспективе. Равные возможности в приобщении к культурным ценностям пока что отсутствуют как внутри отдельно взятого региона, где существенно различие доступа населения к культурным благам в городе и на селе; так и в рамках отдельно взятого городского пространства. Вспомним так и не состоявшиеся проекты сближения города и деревни, а также данные о межрегиональных диспаритетах [Григорьев, Зубаревич, Урожаева, 2008].

Поднимая проблему равного доступа к ценностям культуры, отметим, что с позиций П. Бурдые универсальной и, пожалуй, основной целью культуры является приращение культурного капитала [Бурдые, 2005]. Культурный капитал может быть представлен в трех состояниях: в инкорпорированном (в форме длительных диспозиций ума и тела), объективированном, то есть в форме культурных товаров (книг, произведений живописи и искусства) и институционализированном. Несомненно то, что человек, обладающий экономическим капиталом, легче приобретает человеческий капитал путем образования; культурный капитал – путем доступа к институтам культуры; символический капитал – благодаря возможностям овладения культурой. В нормально функциониру-

ющем обществе владение человеческим, культурным, символическим капиталом открывает доступ к экономическому капиталу, повышает уровень качества жизни. Следовательно, с переходом культуры в сферу рыночной экономики и возрастанием роли экономического капитала, наиболее уязвимые позиции занимают социально-незащищенные группы населения: иммигранты, дети, пожилые, люди с инвалидностью, малоимущие семьи [См., например, исследования культурной политики в аспекте доступности: Карпова, 2009; 2010].

Приращение культурного капитала в рамках политики культурного многообразия происходит также за счет предоставления всем членам общества возможностей для самореализации в сфере культуры. Даже при условии, что в Российской Федерации социально-экономическое развитие регионов, а значит, и состояние сферы культуры и досуга значительно разнятся, следует говорить о том, что в современном мире потребности жителя небольшого муниципального образования на Дальнем Востоке и жителя крупного города на Урале не так сильно различаются, как еще десять-пятнадцать лет назад. Соответственно, при сегодняшней острейшей конкуренции за человеческие ресурсы каждый регион должен стремиться предоставить своим жителям условия для максимально возможного удовлетворения потребностей в самореализации, в том числе, и в сфере культуры.

Сегодня культура как специфическая сфера человеческих ценностей и потребностей становится особым фактором, определяющим развитие территорий в постиндустриальном обществе. Культура перестает развиваться как некая данность под влиянием уходящих в глубь прошлого традиций и привычек. Она перестает быть чистым сервисом, предназначенным в основном для отдыха и развлечения, и не служит только целям поддержания какой-то идеологии. Культура все больше превращается в тот инструмент, использование которого позволяет производить глобальные изменения – менять (даже искусственно) внешний и внутренний образ территории и населяющих ее людей [Институт экономики города, 2010]. Современная государственная политика пока делает больший акцент на сервисной функции культуры (доступность услуг), а также на сохранении историко-культурного наследия. Вместе с тем реалии муниципального и государственного управления заставляют регионы и муниципалитеты по-новому относиться к культуре и использовать ее новую роль для обеспечения повышения качества жизни населения.

В таком понимании культурный плюрализм может стать значительным конкурентным преимуществом, поскольку позволяет отражать интересы, потребности, желания, мечты и запросы все большего числа людей, проживающих на той или иной территории. Ведь культурное многообразие при умелом администрировании (а для этого как раз и требуются хорошие мультикультурные компетенции!) может привлечь

инвесторов, снизить социальную напряженность, повысить качество жизни, улучшить качество взаимоотношений между поколениями.

* * *

Произошедшие в России социально-экономические изменения требуют выработки новых концепций и механизмов осуществления культурной политики. В число приоритетных задач входят: фундаментальная разработка методологии исследования культурной политики; концептуализация механизмов сохранения и развития культурного потенциала и наследия страны; обеспечение преемственности развития российской культуры; поддержка многообразия культурной жизни, культурных инноваций.

Сфера культуры выступает важнейшим ресурсом решения социальных проблем: интеграции и инклюзии представителей малых социальных групп, в числе которых можно отметить представителей национальных меньшинств и иммигрантов, людей с инвалидностью, пожилых. Это обусловлено тем, что процессы реформирования всех областей социальной и культурной жизни и поиски современных путей решения основных социальных проблем, происходящие в нашей стране, болезненно отражаются на наименее социально защищенных категориях граждан.

Являясь неотъемлемой чертой российского общества, культурное многообразие должно пронизывать основные социальные и властные институты общества, а социальное государство призвано способствовать развитию новых форм и механизмов проявления такого многообразия. Советское наследие нынешнего российского государства в части культурной и социальной политики, которая направлена на решение «национального вопроса» и сохранение культурной мозаики общества, должно быть переосмыслено, в том числе, с позиций положительного исторического опыта. Все основные принципы мультикультурализма могут быть взяты на вооружение, поскольку они вписываются не только в концепцию социального государства, но и дают раскрыться культурному потенциалу страны, служат развитию межкультурного диалога, обеспечивая России достойное место мировом сообществе.

Недостаточная мультикультурная компетентность управленческих кадров, государственных служащих высокого уровня, обеспечивающих реализацию, среди прочего, культурной и социальной политики России; кадров, работающих в сфере образования и культуры, тормозят модернизацию нашего государства, поскольку не позволяют в полной мере использовать принципы мультикультурализма в образовательной, культурной, социальной политике, делая последние нечувствительными к культурному многообразию российского общества. По той же причине оказывается невостребованным богатый зарубежный опыт мультикуль-

турализма, несмотря на то, что отечественное экспертное и академическое сообщество призывает активно его использовать, особенно для избегания уже допущенных другими странами ошибок в многогранной и сложной политической сфере мультикультурных государств.

Пребывая в плену стереотипов, помноженных на низкую мультикультурную компетентность, чиновники, представители власти редко обращают внимание на успешные практики общественных, некоммерческих организаций в части реализации мероприятий, направленных на поддержание культурного многообразия России, формирование общественного сознания, свободного от ксенофобии и культурных стереотипов, просветительскую и образовательную деятельность.

Все вышесказанное зачастую приводит к тому, что требования удовлетворения потребностей в развитии культур, звучащие «снизу», остаются без внимания. Это, в свою очередь, приводит к социальным беспорядкам, выступлениям против представителей национальных и культурных меньшинств, к развитию дискриминационных и сегрегационных практик.

Перед современным российским обществом стоят две следующие задачи: во-первых, необходимо научное изучение современной миграционной ситуации, в том числе и «изнутри»; во-вторых, важна взвешенная государственная социальная политика по отношению к иноэтничным. Первое необходимо для грамотной разработки всевозможных программ, направленных на снижение этнической напряженности в обществе; второе должно стать приоритетным направлением государственной образовательной и культурной политики – во избежание роста национализма и для скорейшей адаптации тех иноэтничных, которые готовы жить и работать в России [Панова, Федорова, 2006. С. 100–101].

Реализуемый в рамках Совета Европы проект по отношениям между группами мигрантов и обществами стран их пребывания позволил сделать выводы о том, что система воспитания, социальные службы и средства массовой информации должны содействовать требованиям создания многоэтничного общества. Проекты по вопросам равных возможностей и социальной интеграции мигрантов, которые призваны улучшить понимание проблем дискриминации и расизма, уже реализуются и содержат предложения по конкретным действиям в целом ряде государств-членов [Европейская Конвенция, 2011].

Вероятно, оптимальным для России подходом к мультикультурализму может служить интерпретация его как феномена, требующего поддержания постоянного диалога различных культур с целью нивелирования социального неравенства и конфликтов, развития основ социального государства через формирование институтов, прежде всего, культурной и социальной политики, обладающих достаточной степенью поликультурной чувствительности.

Список литературы

- Администрация* Президента Российской Федерации, 1997 // <http://www.constitution.ru/>.
- Антонова В. К.* Возможность проявления мультикультурного компонента в этносоциальной политике: опыт Саратова и Перми // Вестник Института Кеннана в России. 2006. Вып. 9. С. 54–61.
- Арутюнова Е. М.* Отношение к иммигрантам в России и странах Европы (по материалам Европейского социального исследования 2006 и 2008 годов) // Вестник Института Кеннана в России. 2010. Вып. 18. С. 84–85.
- Арутюнова Е. М.* Отношение к мигрантам в России и Европе: сравнительный поколенческий анализ // Российская идентичность в Центре и регионах / Отв. ред. Л. М. Дробижева М.: Институт социологии РАН; МАКС Пресс, 2009.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 1999.
- Бельфиоре Э.* Методологический вызов кросснационального исследования: сравнение культурной политики в Британии и Италии // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 89–116.
- Борисов А. А.* Мультикультурализм: Американский опыт и Россия / Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации / Под ред. Г. И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Бромлей Ю. В.* Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.
- Булавка Л. А.* Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008.
- Бурдаков М.* Убить по-русски // Профиль. 2010. № 48. 27 дек. С. 6–11.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.
- Волошина О. А.* Создание письменности для бесписьменных народов // Русский язык. 2009. № 14 (565) // http://rus.1september.ru/view_article.php?id=200901402.
- Габдрафиков И. М., Еникеев А. Г.* Регионы России: хроника и руководители / Под ред. К. Маиузато. Екатеринбург: Сапоро, 2003.
- Генисаретский О. И.* Культурная политика: не сегодня, скорее, завтра // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6 (23). С. 42–44.
- Гнедовский М., Зеленцова Е.* Культура в России: государственный проект или гражданские инициативы? // Центр: культурные инициативы. 2007. № 2. С. 14–19.
- Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю.* Сцилла и Харибда региональной политики // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 83–98.
- Дёмкин Д.* Кремль ищет мигрантам резервацию на рынке труда // www.slon.ru/news/121510.html.
- Доклад* общественной палаты Российской Федерации по вопросу: Культура и будущее России: новый взгляд // Стратегия России. 2008. № 2 // http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction.
- Дробижева Л. М.* Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Akademia, 2002.
- Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Академия, 2003.

Дробижеева Л. М. Этничность и власть: лимиты демократии и социальные практики // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 215–224.

Европейская комиссия, 1985. История культурных столиц // http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc443_en.htm.

Европейская комиссия, 2011. Конкурс «Европейская культурная столица» // http://ec.europa.eu/culture/our-programmes-and-actions/doc481_en.htm.

Европейская культурная конвенция. Доступно на сайте Совета Европы // <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/018.htm>.

Институт экономики города: Материалы, подготовленные в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития муниципального образования «город Пермь» до 2030 года. М., 2010.

Карпова Г. Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 7–20.

Карпова Г. Г. Инвалиды и культурная политика: проблемы доступности // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 74–80.

Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит.-ра, 1997.

Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2002/04/57884.shtml>.

Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика современной России: Соотношение этнического и национального. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 95–96.

Куропятник А. И. Мультикультурализм: Проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.

Ленин В. И. Право наций на самоопределение, и о национальной гордости великороссов // Избранные произведения: В 3-х т. С. 45–109. М.: Изд-во пол. лит.-ры, 1966.

Макарова Г. В поисках новой модели этнокультурной политики федерального центра и регионов России (на примере Республики Татарстан) // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 21–38.

Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002.

Малахов В. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: НЛЮ, 2007.

Малахов В. С. Национальный вопрос и гражданское общество // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Под ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

Мальшиева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005.

Национальный вопрос в городском сообществе: Социокультурные характеристики межнациональных отношений в большом уральском городе на исходе XX века / Под ред. О. Л. Лейбовича. Пермь: ПГТУ, 2003.

Низамова Л. Р. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Матер. конф.: Казань, 2–3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малащенко; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2005.

Об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года // Известия. 1991. 27 марта.

Областная целевая программа «Развитие культуры на 2002–2005 годы» // Приложение к постановлению Саратовской областной Думы от 17.04.2002 № 67-2785 // www.mincult.saratov.gov.ru/.

Областная Целевая программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004–2008 годы. Пермь: Администрация Пермской области, 2004.

Общая характеристика территории Саратовской губернии. Доступно на официальном сайте Правительства Саратовской области // www.saratov.gov.ru.

Объединения национальных меньшинств. Пермская область, 2001 // <http://www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Perm/Perm09.htm>.

Осипов А. Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чем смысл «управления многообразием»? // Мир России. 2008. № 1. С. 102–121.

Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 года № 3612-1 // www.duma.gov.ru/cult-tur/zakon_kult/o_kulture.htm.

Паин Э. А. Этнические проблемы в полиэтническом обществе // Профессионалы за сотрудничество / Под ред. А. Кулика. Вып. 4. М.: Институт Кеннана, 2000. С. 52–66.

Паин Э. А., Мукомель В. И. Нужны ли мигранты российскому обществу? / Под ред. В. И. Мукомеля и Э. А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

Панова Е., Федорова К. Иноэтничные дети в петербургской школе: мифы и реальность (по материалам социолингвистического исследования) // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 1. С. 81–102.

Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» от 08.12.2005 // <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution>.

Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005. № 4(25) // www.culturalmanagement.ru/books/.

Рамочная программа по сотрудничеству в сфере культуры и культурного наследия между Министерством культуры Российской Федерации и Директоратом по культуре, культурному и природному наследию Совета Европы на период 2009–2011 годов // www.rus-eu-culture.ru/documents/655/.

Россия для русских или для всех россиян? // Пресс-выпуск Левада-Центра от 07.12.2009 // www.levada.ru/press/2009120702.html.

Россияне о приезжих «нерусских национальностей» // Пресс-выпуск Левада-Центра от 07.12.2009 // www.levada.ru/press/2009120704.html.

Совместная программа «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» // http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99.

Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики Российской Федерации. М.: Привет, 2004.

Тернборн Г. Мультикультурные общества // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 50–67.

Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.

Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Тренинг этнической толерантности для школьников / Н. М. Лебедева, О. В. Лунева, Т. Г. Стефаненко. М.: Привет, 2004.

Тросби Д. Культурное измерение развития: история, концепции, конкретные примеры // *Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии.* М.: РИК, 2002. С. 234–244.

Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов / Сост.: Е. Д. Гринько и др. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора: Гос. архив Рос. Федерации, 1994.

ЧП этнического масштаба // Независимая газета. 2010. 15 дек. С. 4.

Aasland A. Russians Outside Russia: the New Russian Diaspora // G. Smith (Ed.). *The Nationalities Question in the Post-Soviet States.* L.; N. Y.: Longman, 1996. P. 477–499.

Alexander J. Theorizing the “Models of Incorporation”: Assimilation, Hyphenation, and Multiculturalism as Varieties of Civil Participation // *Sociological Theory.* 2001. Vol. 19. № 3. P. 237–249.

Alibhai-Brown Y. True Colours: Attitudes to Multiculturalism and the Role of the Government. L.: Institute for Public Policy Research, 1999.

Anderson B. & Silver B. Some Factors in the Linguistic and Ethnic Russification of Soviet Nationalities: Is Everyone Becoming Russian? // L. Hajda & M. Beissinger. *The Nationalities factor in Soviet Politics and Society.* San Francisco and Oxford: Westview Press, 1990. P. 95–127.

Antonova V. Multiculturalism in the Russian Civil Service: Operational, Governance and Performance Level Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2010.

Barker R. The social work dictionary. 3rd ed. Washington, DC: National Association of Social Workers, 1995.

Carrithers M. Why Humans Have Cultures: Explaining Anthropology and Social Diversity. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Chinn J. & Kaiser R. Russians As The New Minority. Ethnicity And Nationalism in The Soviet Successor States. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

Compendium. Cultural policies and trends in Europe // <http://www.culturalpolicies.net/web/profiles/>.

Cultural policy: a preliminary study. UNESCO, 1969 // <http://www.unesco.org/ulis/>.

Dictionary of Race, Ethnicity and Culture, edited by: Guido Bolaf, Raffaele Bracalenti, Peter Braham and Sandro Gindro. L.: SAGE Publications, 2003.

Economic change and the national question in twentieth – century Europe / Ed. by: A. Teichova, H. Matis, J. Patek. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2000.

Kivisto P. Multiculturalism in a Global Society. L.: Blackwell Publishing, 2002.

Kottak C. & Kozaitis K. On Being Different: Diversity And Multiculturalism In The North American Mainstream. Boston: McGraw-Hill, 2003.

Kovács P. LGI Managing Multiethnic Communities Program Series // Introduction to M. Robotin and L. Salat (eds). *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe.* Budapest: LGI Books, 2003.

Kymlicka W. Politics in the Vernacular. N. Y.: Oxford University Press, 2001.

Kymlicka W., Grin F. Assessing the Politics of Diversity in Transition Countries // F. Daftary & F. Grin (eds). Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries. Budapest: LGI Books, 2003.

Lieber G. Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Mason D. Explaining Ethnic Differences: Changing Patterns of Disadvantage in Britain. Bristol: Policy Press, 2003.

Mason D. Race and Ethnicity in Modern Britain. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Modood T. Multicultural Politics. Racism, Ethnicity and Muslims in Britain. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005.

Multiculturalism. A Civic Idea. Tariq Modood. Cambridge: Polity Press, 2007.

Parekh B. A New Politics of Identity. Political Principles for an Interdependent World. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.

Parekh B. Multiculturalism is a Civilized Dialogue. What Makes Us All British Is A Common Commitment To Respect Our Differences. Guardian, Friday, 21 January, 2005 // <http://www.guardian.co.uk/uk/2005/jan/21/islamandbritain.comment>.

Parekh B. The Future of Multi-Ethnic Britain, Report of the Runnymede Trust Commission on the Future of Multi-Ethnic Britain. L.: Profile Books, 2000.

Parekh B. Rethinking Multiculturalism. Cultural Diversity and Political Theory. N. Y.: Palgrave, 2000.

Rice M. Diversity And Public Administration: Theory, Issues, And Perspectives. Armonk; N. Y.: M. E. Sharpe, 2005.

Tiryakin E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non // J. Rex. Governance in a Multicultural Society. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 1–18.

Wieviorka M. La difference. Paris: Balland, 2001.

Виктория Константиновна Антонова
д-р социол. наук, PhD (University of Essex),
профессор кафедры общей социологии
Государственного университета – Высшей школы экономики, Москва
электронная почта: v_antonova@mail.ru

Галина Геннадьевна Карпова
канд. социол. наук, доцент кафедры социальной антропологии
и социальной работы
Саратовского государственного технического университета,
научный сотрудник Центра социальной политики
и гендерных исследований
электронная почта: galina.karpova@socpolicy.ru
